

УДК 930.23

**ПОПЫТКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ
ТРАДИЦИИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ
НАЧАЛА XVII ВЕКА: БАЙСА, ТАТ ВЕ ТАВГАЧ¹**

Дариуш Колодзейчик
(Варшавский Университет
Институт Истории Польской Академии Наук)

Автором рассматриваются разные пути, которыми принимались иностранные заимствования в канцелярии Крымского ханства. С одной стороны, татары принимали образцы из Московской и Польско-Литовской канцелярии (например, вислую печать), с другой стороны, они стремились сохранить и даже восстановить древнюю терминологию, связанную с чингизидской и среднеазиатской традицией. В Чингизидской империи и в Улусе Джучи использовалась *байса* с надписью, предоставляющей от имени правителя те или иные права и привилегии. Первым крымско-татарским документом, где мы встречаем термин *байса*, является шертная грамота хана Мехмеда III Гирея, посланная царю Михаилу Феодоровичу Романову в сентябре 1624 года. В 1634 г. Джанибек Гирей также писал о «золотой байсе», очевидно, как о синониме печати. До середины XVII в. упоминание о байсе встречается только в тексте посланных в Москву крымских шертных грамот. С 1654 года присяжная грамота с золотой байсой отправлялась и польским королям. Новая форма торжественных ханских грамот стала меняться под влиянием развития делопроизводства в Москве и Варшаве. В тот же самый период в ханской интигуляции принимается формула «великий падишах Татов и Тавгачев», новые элементы, связанные с чингизидской и древнетюркской среднеазиатской традицией. Следовательно, по мнению автора, последнее могло быть связано с деятельностью Шахин Гирея и его проживания в Персии, или же эта инновация была привнесена из Сибирского ханства.

Ключевые слова: Крымское ханство, татары, канцелярия, печати, культурные посредники.

В своей монографии «*Жалованные акты Джучиева улуса*» М. Усманов отвергнул всякую возможность использования в джучидской канцелярии вислых печатей, аналогичных тем, что использовались в московском, польско-литовском и западноевропейском делопроизводстве². Отчасти М. Усманов был прав в отношении гра-

¹ Исследование проведено при поддержке Министерства науки и высшего образования Польши (Национальная Программа Развития Гуманитарных наук).

² «Все известные сегодня материалы свидетельствуют об отсутствии у джучидов вислых печатей любой формы» [16, с. 178–179].

мот, созданных в конце XVI в. Однако в статье речь, главным образом, будет идти о документах созданных в XVII в. В 1926 г. А. Самойлович указал в своей статье, что термин алтунбайса («золотая пайза»), часто встречающийся в корреспонденции Московского Посольского Приказа с Крымским ханством, обозначал вислую печать. Впрочем, историк признавался, что ему до сих пор не удалось найти подлинного ханского документа с такой печатью [14, с. 1117].

Конечно, в средневековой Чингизидской империи, в том числе и в Улусе Джучи, монгольско-турецкий термин *байса*, происходящий от китайского *p'ai-tzū*, обозначал сделанную из дерева, железа, меди, серебра или золота верительную дощечку с надписью, предоставляющей от имени правителя те или иные права и привилегии [14, с. 1118]. Такую байсу, играющую роль паспорта, получили некогда от ильхана Гайхату братья Никколо и Маттео Поло, отец и дядя знаменитого путешественника Марко Поло [27, р. 85]. Похожая байса XIV в. золотоордынского хана Келдибека была обнаружена недалеко от Симферополя (Крым). Подробное описание её сделал в своей статье Николай Мункуев. Надпись на этой байсе уйгурским письмом состоит из обращения к богу от имени хана и содержит угрозу, что каждый, кто не отнесется с почтением к ханскому слову будет убит [25, р. 208]. Размеры данной байсы – 29,7 x 8,8 см. Эти размеры не выходят за рамки традиционных, хотя встречались меньшие по размеру и по виду круглые байсы³.

Первым крымско-татарским документом, где мы встречаем термин *байса*, является шертная грамота (*şartname*) хана Мехмеда III Гирея, посланная царю Михаилу Феодоровичу Романову в сентябре 1624 года. В её тексте, который сохранился только в копии, хан пишет: «мы добавили нашу золотую печать в виде байсы» (*altun baysalu mührümüzni salduq*)⁴. В 1630 г. следующий хан Джанибек Гирей упоминает в шертной грамоте только «нашу золотую печать» (*altun mührümüz*), но в самой грамоте, сохраненной в подлиннике в РГАДА, мы видим внизу три дырки. Очевидно это был след шнура, на котором когда-то была прикреплена вислая печать. Сегодня сохранился только чёрный оттиск перстенной печати хана, но присутствие потерянной сегодня золотой печати подтверждается сохранившимся вместе с подлинником русским переводом грамоты, (*грамота шертная [...] прислана [...] за золотую печатью*)⁵.

³ См. репродукцию такой круглой байсы с надписью квадратным письмом (письмом Пагба-ламы), происходящей из Китая династии Юань [22, il. 43].

⁴ [4], текст опубликован в: [2, с. 20–24].

⁵ [5], татарско-турецкий текст подлинника опубликован в: [2, с. 48–51]. Три дырки видны на репродукции [17, с. 40 (илл. 6)].

В своей следующей грамоте 1634 г. Джанибек Гирей уже просто писал о «золотой байсе» (*altun baysamız*)⁶. Очевидно, что термин *tühür* («печать») не был уже нужен, ибо стало понятно, что *байса* была синонимом печати.

Больше подробностей, касающихся внешней формы и содержания надписи байсы, содержится в найденной шертной грамоте Инаета Гирея, посланной в Москву в 1636 г. Её формулировка – *bu şartname hattımızğa öz altun baysamızı tahturduq* – точно переведена на русский язык. В сохранившемся в московском архиве тексте значится: «къ сей шертной грамоте золотую свою печать привесли». Кроме того, как показал анализ текста, тюркскому слову *tahturduq / taqturduq* соответствует русское слово «привесли». Заметка на русском языке, вместе с документом и описью надписи байсы, в которой упоминалось имя хана, калги и нуреддин, хранится в РГАДА:

«А на золотой печати с одну сторону въ кругу вырезано: „Аноэть Гирей царь, Казы Гиреевъ Царевъ сынъ”. А на другой стороне печати въ одномъ кругу вырезано: „Хусамъ Гирей царевичъ, Казы Гиреевъ Царевъ сынъ”. А въ другомъ кругу на той же стороне вырезано: „Саадеть Гирей царевичъ, Казы Гиреевъ Царевъ сынъ”»⁷.

Следующие информации про крымской байсе можно найти в посланных в Москву в 1642 и 1646 гг. шертных грамотах Мехмеда IV Гирея и Ислама III Гирея. Первая из этих грамот, издана во времени первого правления Мехмеда IV Гирея, сохранилась только в русском переводе. Впрочем, ценность этого источника заключается в том, что там есть подробное описание байсы: «А на золотой печати вырезано: „Верую во единого Бога и в пророка Магметя” [этот фрагмент вероятно касается шахады; см. ниже]. А на другой стороне утое печати вырезано: „Магметъ Гирей царь Саламатъ Гиреевъ царевъсынъ”»⁸.

Аналогичную опись байсы можно найти в тексте второй грамоты, посланной в 1646 г. в Москву Исламом III Гиреем. В ней крымский хан заявил: «к сей шертной грамоте мы приказали добавить [в смысле привесить – см. выше] нашу золотую байсу» (*bu şart hattımızğa altun baysamızı taqtururğa buyurduq*). Грамота сохранилась только в копии, писанной почерком дивани на столбовой бумаге, и, вероятно, сделанной ещё в Крыму, в доме московских послов. Копия содержит дописку, сделанную той же самой рукой. Из текста данного источника можно узнать, что было написано в не сохранившейся байсе: *ve altun baysanıñ bir tarafında La ilaha illa`llah Muhammadun ar-rasul`llah [sic] deyib yazılğandır ve bir tarafında İslam Gèrey Hanbin*

⁶ [6], текст опубликован в: [2, с. 100–104] (вместо *baysa* ошибочно написано *basa*).

⁷ [7], текст на татарско-турецком языке опубликован в: [2, с. 150–155]; русский перевод вместе с описью байсы опубликован в: [3, с. 73–76].

⁸ [8], текст опубликован в: [3, с. 99–102].

Selamet Gërey Han deyib yazılğandur. В русском переводе, находящемся в РГАДА: «А у подлинной грамоты на золотой печати на стороне написано: „Несть ина Бога, токмо Единь Господь, Магаметь Пророкъево”; а на другой стороне написано: „Исламъ Гирей царь, Саламать Гиреевъ царевъ сынъ”»⁹.

Подлинность данной описи, вместе с имеющейся мусульманской шахадой в не обычной форме *ar-rasul`llah* (вместо *rasul`llah*), в полной мере можно удостоверить, исходя из анализа текста ханской байсы, сохранившейся в варшавском архиве. До середины XVII в. упоминание о байсе встречается только в тексте посланных в Москву крымских шертных грамот. Даже в 1646 году, когда Ислам III Гирей направил шертную грамоту царю Алексею Михайловичу, он также направил присяжную грамоту (*ahdname*) польскому королю Казимиру-Владиславу IV; но в этой последней грамоте мы не находим никаких свидетельств и даже упоминания о байсе.

Только в 1654 году, во времена своего второго правления, Мехмед IV Гирей направил польскому королю Яну Казимиру присяжную грамоту с золотой байсой. Данный факт был строго отражен в тексте этой грамоты (*altun baysalu`ahdnamemiz*). Эта байса сохранилась вместе с грамотой в королевском архиве, и мы её можем обнаружить в микрофильме, сделанном 10 марта 1976 г. в варшавском главном архиве древних актов (AGAD). К сожалению, байса сегодня утеряна, остался только серебряный шнурок, на котором она была прикреплена. Надписи с обеих сторон байсы, невидные на современном снимке, скопировал знаменитый польский тюрколог Зигмунт Абрагамович, и они сохранились в архиве вместе с грамотой на особой бумажке. С одной стороны находилась мусульманская шахада, содержащая необычную форму *ar-rasul`llah: La ilaha illa`llah Muhammadun ar-rasul`llah*; с другой стороны находилась надпись: *ahdname-i Mehmed Gërey Han* («присяжная грамота Мехмеда Гирея хана»). Общий размер байсы можно определить, исходя из сравнения располагавшегося рядом оттиска перстняной печати хана. Таким образом, диаметр байсы составляет примерно 4,8 см [23, р. 974–981 (текст присяжной грамоты 1654 г. с английским переводом), факсимиле XPa-c (нынешний вид документа), факсимиле XII d (снимок 1976 года с видимой байсой)].

Шертные грамоты, направленные в Москву ханом Исламом III Гиреем в 1647 г., ханом Мурадом Гиреем в 1681 и 1682 гг. и ханом Селимом Гиреем в 1684 г., также содержали золотые байсы¹⁰. Стан-

⁹ [9], текст на татарско-турецком языке, но без описи байсы, опубликован в: [2, с. 355–359]; русский перевод вместе с описью байсы опубликован в: [3, с. 106–110]. Опись байсы на татарско-турецком языке опубликована автором в: [23, р. 338].

¹⁰ [10] (*bu şartname hattımızğa altun baysamızı taqturup yiberdik*); [11] (*altun baysalı mührimiz bilen`ahdnamemiz*); [12] (*altun baysalu mührimiz birlen şartnamemiz*); [13] (*işbu altun baysalu şartname hatt-ihiımayunum berildi yazıldı*);

дартной формой надписи байсы 1642 до 1684 гг. являлись: с одной стороны – мусульманская шахада, с другой стороны – имена хана и его отца¹¹. Русский перевод грамоты 1684 г. содержит отметку, что «у той же грамоты привешена печать золотая на серебряном снурку»¹². Именно такой же серебряный шнурок и сохранился в варшавском архиве вместе с грамотой 1654 г.

Парадоксом является то, что из числа не менее 10 байс, направленных крымскими ханами Романовым с 1624 по 1684 гг., ни одна из удостоверяющих шертные грамоты не сохранилась до начала XX века, когда Александр Самойлович делал свое вышеупомянутое исследование. В крымско-польской корреспонденции байса упомянута только один раз, в 1654 году, и именно эта байса сохранилась до второй половины XX века, но, к сожалению, сегодня и она потеряна.

Скорее всего, новая форма торжественных ханских грамот стала меняться под влиянием развития делопроизводства в Москве и Варшаве. На наш взгляд, именно этим можно объяснить начало массового использования в Бахчисарае вислой печати. Впрочем, вызывает определенный научный интерес сам факт возвращения «реформаторами» крымской канцелярии из небытия забытого старинного термина времен Чингиз-хана для обозначения на новой печати. Может и неслучайно, что в тот же самый период в ханской интитуляции принимается странная формула «великий падишах Татов и Тавгачев» (*Tatbile Tavgaçniñ uluğ padişahi*). Одной из первых крымских грамот, где встречаются названия, относящиеся к нетюрским народам, является датированная сентябрем 1624 г. шертная грамота Мехмеда III Гирея, посланная царю Михаилу Федоровичу; то есть та грамота, к которой крымский хан в первый раз добавил золотую байсу [23, р. 352–353].

Стоит задаться вопросом: кто мог привнести эти новые элементы, связанные с чингизидской и древнетюркской среднеазиатской традицией, во времена правления хана Мехмеда III Гирея? Одним из возможных культурных посредников¹³ являлся его брат Шахин Гирей. В период с 1614 по 1623 г., во время правления в Крыму хана Джанибек Гирея, Шахин Гирей нашёл убежище при дворе персидского шаха Аббаса I, определившего ему Дербент как место для проживания. После вступления на трон его старшего брата, Шахин

тексты опубликованы в: [2, с. 383–393, 651–653, 689–691, 741–743]. В документе 1682 г. видны следы привесной байсы в виде дырок внизу бумаги, таких же, как в грамоте 1630 года.

¹¹ [23, р. 339–340]. В случае Мурада Гирея, которому его отец, Мубарек Гирей, не позволил занять ханский престол, также упоминается имя его деда, хана Селямета I Гирея.

¹² [13, л. 10а]; текст опубликован в: [3, с. 201].

¹³ Я употребляю термин «культурный посредник» в том смысле, в каком он употреблен в инспирирующей статье Томаса Оллсена [18].

возвратился в Крым, где он не потерял поддержки со стороны персидского шаха и стал калгой¹⁴. Зная, что оба брата стремятся подчеркнуть независимость Крыма от Османской империи, и было принято решение о восстановлении некоторых чингизидских традиций, сохранившихся в Персии со времен Ильханов и забытых в делопроизводстве Крыма. Как недавно отметил Берт Фрагнер, элементы китайского и тюрко-монгольского происхождения, которые принесли Ильханиды в Персию, стали интегральной частью персидской канцелярской традиции, что делало её отличной от османской традиции и традиций, близкой к канцеляриям Средней Азии, Афганистана, Индии, Кавказа и – добавим здесь – Крыма¹⁵. В действительности, в сефевидских документах этого периода продолжали существовать такие чингизидские термины как *yarlık* или *sözümüz*, и даже сохранился тюрко-монгольский циклический «животный» календарь, употреблявшийся вместе с мусульманским. К сожалению, пока не удалось встретить в этих документах терминов *байса* и *Тавгач*. Хотя, как это доказал Герхард Дёрфер, термин *байса* или *найза* достаточно часто встречается в делопроизводстве более раннего периода Ильханидов [19, s. 239–241]. Что касается термина *Tam*, употреблявшегося к нетюркскому населению, то он широко использовался на Кавказе и в северо-западном Иране, откуда и был вскоре импортирован в Крым [26; 24, s. 448, nota 355].

Вторая и даже более вероятная гипотеза связана с личностью Хансюера, чингизидского царевича и внука последнего сибирского хана Кучума. В монографии А. Белякова «*Чингизиды в России*» говорится, что в 1615 г. Хансюер находился на царской службе под Смоленском, откуда бежал в Литву, но, не получив там желаемого содержания, он перебрался в Крым. Там он связался с Мехмедом III Гиреем и его братом Шахин Гиреем, после смещения которых, в 1628 г. он был захвачен казаками и в 1630 г. сослан царём Михаилом Фёдоровичем в Соликамск, откуда он был отпущен на поруки в 1638 г. [1, с. 70]. Увы, ни в крымских летописях, ни в списках ино-

¹⁴ Об отношениях Шахина Гирея с шахом Аббасом I, который даже поддерживал крымского принца на польском дворе в письме, направленном в 1624 г. королю Зигмунту III, см. [23, p. 131–134]. О проживании Шахина Гирея в Иране см. [20, p. 1095, 1154, 1237–1238].

¹⁵ «Unter den Ilkhanen, wohl schon vor den Zeiten der Reformen unter Ghâzân-Khân, also noch im 13. Jahrhundert, wurden chinesische Elemente mit persischen und islamischen Kanzleitraditionen so dicht verbunden, dass in der Folge ein sehr resistentes Konzept persischer Kanzleibräuche und persischer Diplomatie, Sphragistik und Paläographie entstand. Dieses System setzte sich zügig auch im Kaukasus, in Zentralasien, in Afghanistan und in Indien durch – das osmanische Kanzleiwesen war jedoch zu keinem Zeitpunkt Teil dieses Systems geworden, ungeachtet philologischer Affinitäten und sogar Entlehnungen! [...] Das Bewusstsein vom spezifisch chinesischen Charakter diplomatischer Bräuche im persischen Urkundenwesen war eine gemeinsame Besonderheit dieser Erdteile übergreifenden „Netzwerker“» [21, s. 444].

странных посланников я пока не нашёл никакой информации о деятельности Хансюера в Крыму, но можно предположить, что он стремился познакомить братьев Гиреев с традицией восточной части бывшего Улуса Джучи. К сожалению, из-за того, что письменные документы сибирского юрта почти не сохранились, мы очень мало знаем о традициях местного делопроизводства. Поэтому очень сложно рассуждать о возможных влияниях и инспирации¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Московский психолого-социальный институт, 2011. 512 с.
2. Материалы для истории Крымского ханства. Издаль В.В. Вельяминовъ-Зерновъ [и Х. Фейзьхановъ]. СПб.: Императорская Академия Наук, 1864. хii, 942 с.
3. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства съ Московским государствомъ въ XVI и XVII в.в. хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архиве Министерства Иностранных Дель. Издаль Ф. Лашков. Симферополь: Типография газеты «Крымъ», 1891. 206 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 2. Д. 36.
5. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 39.
6. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 41.
7. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 43.
8. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 50.
9. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 52.
10. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 54а.
11. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 62.
12. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 64.
13. РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Д. 69.
14. *Самойлович А.Н.* О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Известия Академии Наук СССР. Т. XX. 1926. С. 1107–1120.
15. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2012. 232 с.
16. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.
17. *Фаиз (Фаизов) С.* Тугра и вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.-Бахчисарай: Изд-во «Древнехранилище», 2002. 40 с.

¹⁶ До сих пор обнаружены только два подлинных письма царевича Кучука, внука Кучума, направленные царю Алексею Михайловичу в 1668–1669 гг.; они написаны на татарско-турецком языке и удостоверены перстневой каплевидной печатью; но сложно сказать, насколько эти поздние грамоты типичны для канцелярии Сибирского ханства [15, с. 114–119].

18. *Allsen Th.* Biography of a Cultural Broker. Bolad Ch'eng-Hsiang in China and Iran // *The Court of the Il-khans 1290–1340*. Edited by J. Raby and T. Fitzherbert. Oxford, Oxford University Publ., 1996. P. 7–22.

19. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Band I: Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963. Iviii, 557 s.

20. *Eskandar Beg Monshi.* History of Shah 'Abbas the Great (Tārīk-e 'Alamārā-ye 'Abbasī). Translated by R. M. Savory. Boulder, Westview Press, 1978. 1398 p.

21. *Fragner B.* Gelehrtes „networking“ in Zeiten des Kalten Krieges. Persische Diplomatie als ein grenzüberschreitender Forschungsgegenstand // *More modoque. Die Wurzeln der europäischen Kultur und deren Rezeption im Orient und Okzident. Festschrift für Miklós Maróth zum siebzigsten Geburtstag*. Budapest, Forschungszentrum für Kumanwissenschaften der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 2013. S. 435–449.

22. *Kalużyński S.* Dawni Mongołowie. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. 316 s.

23. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden, Brill, 2011. xxxvi, 1050 p.

24. *Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybór)*. Redakcja naukowa Z. Abrahamowicz. Warszawa, Książka i Wiedza, 1969. 478 s.

25. *Müinküyev N.* A new Mongolian p'ai-tzū from Simferopol // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 31, 1977. P. 185–215.

26. *Schütz E.* The Tat people in the Crimea // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 31, 1977. P. 77–106.

27. *Vogel H.U.* Marco Polo was in China. New Evidence from Currencies, Salts and Revenues. Leiden, Brill, 2013. xxxii, 642 p.

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института Истории Варшавского Университета; профессор Института Истории Польской Академии Наук, Dr. Habil. (Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927, Варшава, Польша); darkol@uw.edu.pl)

**THE EFFORTS TO REINTRODUCE THE MONGOL TRADITION
IN THE CRIMEAN KHANATE AT THE BEGINNING
OF THE 17TH CENTURY: *BAYSA, TAT VE TAVGACH***

Dariusz Kołodziejczyk

(University of Warsaw,

Institute of History of the Polish Academy of Sciences)

The author examines the different ways, by which foreign borrowings were adopted in the Office of the Crimean Khanate. On the one hand, Tatars adopted specimens from the Moscow and Polish-Lithuanian Chancelleries (e.g. pendant seal), on the other hand, they sought to maintain and even restore ancient terminology related to the Genghisid and Central Asian tradition. *Baysa* with inscription providing certain rights and privileges on behalf of the ruler was used in the Genghisid Empire and ulus of Jochi. The first Crimean Tatar document, where we meet the term *baysa*, is a Charter of Shert sent by khan Mehmed III Giray to tsar Mikhail Fedorovich Romanov in September 1624. In 1634, Janibek Giray also wrote about the “golden *baysa*” apparently as a synonym of seal. Until the mid-17th century, mention of *baysa* occurs only in the text of the Crimean Charters of Shert sent to Moscow. From 1654, charters with a golden *baysa* was sent to the Polish king as well. A new form of solemn khan’s charters began to change under the influence of the development of office practice in Moscow and Warsaw. In the same period in the khan’s intitulation appears the formula “the great Padishah of Tat ve Tavgach” – new elements related to the Genghisid and ancient Turkic tradition of Central Asia. Consequently, according to the author, the latter change could be associated with the activities of Shahin Giray and his stay in Persia, or this innovation was imported from the Siberian Khanate.

Keywords: Crimean Khanate, Tatars, chancery, seals, cultural brokers.

REFERENCES

1. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Genghisids in Russia in the 15th–17th centuries. A prosopographic study]. Ryazan, Moscow Institute of Psychology and Social Sciences, 2011. 512 p.
2. *Materialy dlya istorii Krymskago hanstva* [Materials for the history of the Crimean Khanate]. Edited by V.V. Velyaminov-Zernov [and H. Feyzhanov]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1864. xii + 942 p.
3. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskago hanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII v.v. hranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arhive Ministerstva Inostrannyh Del* [Monuments of the diplomatic relations of the Crimean Khanate with the Muscovite state in the 16th and 17th centuries, extant in the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. Edited by F. Lashkov. Simferopol, «Krym» Newsletter Publ., 1891. 206 p.
4. Moscow, *Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents] [hereafter, RGADA], fond [hereafter, f.] 123, opis’ [hereafter op.] 2, no. 36.

5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 39.

6. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 41.

7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 43.

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 50.

9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 52.

10. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 54a.

11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 62.

12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 64.

13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents], f. 123, op. 2, no. 69.

14. Samoylovich A.N. O «payza» – «baysa» v Dzhuchievom uluse (K voprosu o basme hana Ahmata) [On the “payza” – “baysa” in the Jochid Ulus (with regard to the issue of the *basma* of Khan Ahmat)]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR], vol. XX, 1926, pp. 1107–1120.

15. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka. Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh* [The Siberian yurt after Yermak. Kuchum and his descendants in their struggle for revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2012. 232 p.

16. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted charters of the Jochid Ulus of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan State University Publ., 1979. 318 p.

17. Faiz (Faizov) S. *Tugra i vseennaya. Mohabbat-name i shert-name krymskih hanov i princev v ornamentalnom, sakralnom i diplomaticheskom kontekstah* [Tughra and Universe. Mohabbat-name and shert-name of the Crimean khans and princes in the ornamental, sacral and diplomatic contexts]. Moscow-Bahchisaray, Drevnehranilishche, 2002. 40 p.

18. Allsen Th. Biography of a Cultural Broker. Bolad Ch’eng-Hsiang in China and Iran. *The Court of the Il-khans 1290–1340*. Edited by J. Raby and T. Fitzherbert. Oxford, Oxford University Publ., 1996, pp. 7–22.

19. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Band I: *Mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963. lviii + 557 p.

20. Eskandar Beg Monshi. *History of Shah ‘Abbas the Great (Tārīk-e ‘Alamārā-ye ‘Abbāsī)*. Translated by R. M. Savory. Boulder, Westview Publ., 1978. 1398 p.

21. Fragner B. Gelehrtes „networking“ in Zeiten des Kalten Krieges. Persische Diplomatie als ein grenzüberschreitender Forschungsgegenstand. *More modoque. Die Wurzeln der europäischen Kultur und deren Rezeption im Orient und Okzident. Festschrift für Miklós Maróth zum siebzigsten Geburtstag*. Buda-

pest, Forschungszentrum für Kumanwissenschaften der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 2013, pp. 435–449.

22. Kałużyński S. *Dawni Mongołowie*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. 316 p.

23. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden, Brill, 2011. xxxvi + 1050 p.

24. *Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybór)*. Redakcja naukowa Z. Abrahamowicz. Warszawa, Książka i Wiedza, 1969. 478 p.

25. Münküjev N. A new Mongolian p'ai-tzū from Simferopol. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 31, 1977, pp. 185–215.

26. Schütz E. The Tat people in the Crimea. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 31, 1977, pp. 77–106.

27. Vogel H.U. *Marco Polo was in China. New Evidence from Currencies, Salts and Revenues*. Leiden, Brill, 2013. xxxii + 642 p.

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor and currently Director at the Institute of History of the University of Warsaw; Professor, the Institute of History of the Polish Academy of Sciences, Dr. Habil. (Krakowskie Przedmieście 26/28, 00–927, Warszawa, Poland); darkol@uw.edu.pl